

Ссылка для цитирования этой статьи:

Абрамова С.Р., Абрамов Н.Р., Имамова К.Р. Долгосрочные экономические последствия колониализма (на примере Британской и Французской империй) // Human Progress. 2025. Том 11, Вып. 10. С. 9. URL: http://progress-human.com/images/2025/Том11_10/Abramova.pdf DOI 10.46320/2073-4506-2025-10a-20.

ДОЛГОСРОЧНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ КОЛОНИАЛИЗМА (НА ПРИМЕРЕ БРИТАНСКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ ИМПЕРИЙ)

Абрамова Светлана Радиковна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры экономико-правового обеспечения безопасности,
Институт истории и государственного управления,
Уфимский университет науки и технологий
г. Уфа, Российская Федерация

Абрамов Никита Романович

научный исследователь,
Институт истории и государственного управления,
Уфимский университет науки и технологий,
г. Уфа, Российская Федерация

Имамова Карина Руслановна

научный исследователь,
Институт истории и государственного управления,
Уфимский университет науки и технологий,
г. Уфа, Российская Федерация

Аннотация. Актуальность исследования исходит из потребности научного осмысления системного кризиса бывших колониальных держав, который является прямым следствием их исторической имперской политики. Объектом исследования выступают экономические системы Великобритании и Франции в период деколонизации и в современную эпоху. Предмет исследования - причинно-следственные связи между крахом колониальных моделей хозяйствования и нарастанием структурных дисбалансов в самих метрополиях. Результаты исследования объективно подтверждают гипотезу о том, что колониализм, создав кратковременную иллюзию процветания, заложил в долгосрочной перспективе механизмы глубокой деградации экономик метрополий. Потеря колоний привела не к обновлению, а к сужению и кризису экономических систем Великобритании и Франции, что проявилось в деиндустриализации, утрате глобальной конкурентоспособности,

социальной фрагментации и росте зависимостей, подрывающих национальный суверенитет и общественное благополучие в этих странах.

Ключевые слова: неоколониализм, экспансия, империализм, монополия, глобализация, обратная колонизация.

Введение

Колониализм как система насильственной внешней экспансии и эксплуатации чужих территорий традиционно рассматривается через призму ущерба, нанесенного поработанным народам: «В подобном англоязычном издании «Энциклопедии западного колониализма» подчеркивается, что понятия «колониализм» и «империализм» – близкие по содержанию и трудно определяемые. Употребление этих понятий зависит от исторической эпохи и контекста. Тем не менее можно осторожно предположить, что на протяжении всей истории человечества империи устанавливали политическое господство над одной или несколькими территориями. Под термином «империализм» часто понимают захват и господство/власть сильного государства над подчиненным государством или территорией. Колонии, в свою очередь, являются зависимыми территориями, которыми владеет и управляет империя» [1, с. 108]. Теоретическая значимость данного исследования заключается в смещении фокуса на анализ саморазрушающего характера колониализма для самих государств-агрессоров. Экономический колониализм, основанный на паразитическом изъятии ресурсов и подавлении конкурентов, закономерно привел к формированию в метрополиях деформированных, нежизнеспособных в долгосрочном периоде экономических моделей хозяйствования, которые стали отучены от честной конкурентной борьбы и основанные на внеэкономическом принуждении, продемонстрировали свою полную несостоятельность в постколониальном мире. Данное исследование раскрывает, как имперское прошлое продолжает отравлять настоящее бывших метрополий, определяя траекторию их экономического и социального упадка.

Основная часть

Колониальная экономическая модель базировалась на трех фундаментальных, при этом порочных принципах гегемонии: искусственное поддержание монополий, внешняя компенсация внутренних социальных противоречий и перенос производственных мощностей в сырьевые придатки. Для метрополий это создавало иллюзию бескризисного развития и устойчивого роста благополучия, так Британская промышленность десятилетиями существовала в условиях гарантированных рынков сбыта в колониях, что тормозило

технологическую модернизацию и делало ее уязвимой: «Британские историки утверждают, что на протяжении нескольких столетий существования империи англичане не нуждались в национальной рефлексии. Для них ключевым фактором здесь выступала непрерывность поступательного развития их истории. Благодаря этой «бесшовной» непрерывности прошлое незаметно растворяется в настоящем, что затрудняет дифференциацию этих двух категорий, связывая их и создавая органическое целое» [2, с. 32]. Франция, строя свою замкнутую имперскую систему, защищала неконкурентоспособные сектора экономики от глобальных вызовов и в результате к середине XX века обе державы подошли с устаревшими производственными фондами, гипертрофированным финансовым сектором, ориентированным на обслуживание колониальных операций, и социальным договором, опиравшимся на сверхприбыли от империи.

Процесс деколонизации стал не освобождением от бремени, как его иногда пытаются представить в англосаксонских академических кругах, а болезненным обнажением глубоких структурных слабостей, когда экономики метрополий, лишившись искусственных рынков, монопольного доступа к дешевым ресурсам и возможности экспорта социальной напряженности в колонии, вступили в фазу сужения и системного кризиса. В Великобритании крах империи совпал с хроническим промышленным упадком, страна, бывшая «мастерской мира», стремительно деиндустриализировалась так как ее промышленность не выдержала конкуренции с более динамичными экономиками, не отягощенными колониальным балластом. Финансовый капитал, утратив традиционные сферы приложения, переориентировался на спекулятивные операции, углубляя разрыв между виртуальной экономикой и реальным сектором, что в итоге способствовало социальному расслоению и региональному неравенству. Во Франции потеря колоний, особенно Алжира и владений в Африке, спровоцировала серию острых политико-экономических кризисов из-за того, что исчезла система, гарантировавшая сырьевую безопасность и сбыт. Попытки сохранить влияние через неоколониальные инструменты, такие как «франк КФА» [3] и военные интервенции требуют постоянных финансовых затрат и политических рисков, отвлекая ресурсы от собственного внутреннего общественного и экономического развития. Современная Франция столкнулась с деиндустриализацией своих регионов, хронически высокой безработицей, особенно среди молодежи в бывших индустриальных центрах, и растущим государственным долгом. Экономика, десятилетиями существовавшая в протекционистском «коконе» империи, с трудом адаптируется к глобальной конкуренции.

Кульминацией кризиса стал феномен «обратной колонизации» [4] - масштабной миграции из бывших колоний в метрополию, спровоцированной созданными империями

экономическими дисбалансами и разрушением традиционных обществ в колониях, который привел к глубокому и длительному экономическому кризису. Волны миграции, совпавшие с экономическим сужением экономик метрополий породили острые проблемы социальной адаптации, роста преступности, этнической напряженности и фрагментации общественного пространства. Государства всеобщего благосостояния, созданные в эпоху имперских сверхприбылей, оказались под непосильным давлением, что ведет к сворачиванию социальных программ и росту бедности среди коренного населения. То есть колониализм бумерангом ударил по самим метрополиям, импортировав социальные проблемы, которые невозможно решить в рамках старой парадигмы.

Таблица 1

**Сравнительный анализ деградации метрополий после краха
колониальных систем**

Критерий анализа	Великобритания (постимперский синдром)	Франция (кризис «Великости»)
Экономическая модель колониализма	Глобальный свободный рынок под британским контролем, деиндустриализация колоний, финансовое доминирование Лондона.	Замкнутый протекционистский имперский блок («колониальный пакт» [5]), аграрно-сырьевая специализация колоний.
Ключевые выгоды (краткосрочные)	Концентрация финансового капитала, сверхприбыли, гарантированные рынки, статус мирового гегемона.	Сырьевая автономия, рынки сбыта для промышленности, военно-стратегическая глубина, великодержавный статус.
Механизм кризиса после деколонизации	Утрата монопольных позиций, экспозиция неконкурентоспособной промышленности, кризис идентичности.	Коллапс защищенной экономической зоны, шок от открытой конкуренции, утрата сырьевых предпочтений.
Долгосрочные негативные последствия для метрополии	Структурная деиндустриализация, гипертрофия спекулятивного финансового сектора, рост неравенства, региональный упадок.	Хроническая деиндустриализация, высокий структурный долг, зависимость от неоколониальных схем, внутренняя социальная поляризация.

Критерий анализа	Великобритания (постимперский синдром)	Франция (кризис «Великости»)
Социально-демографические последствия	Массовая иммиграция из стран Содружества, рост социальной напряженности, кризис национальной идентичности, всплеск насилия и маргинализации.	Массовая иммиграция из бывших колоний (Магриб, Африка), рост этнических анклавов, серия социальных бунтов, кризис светской республиканской модели.
Современное состояние	Экономика, зависимая от финансовых спекуляций; политическая нестабильность (Брексит как следствие имперских амбиций), растущая бедность и развал социальной инфраструктуры.	Перманентный экономический застой, регулярные масштабные социальные протесты, утрата суверенитета в рамках ЕС, рост правого радикализма как реакция на кризис.

Источник: разработано автором

В таблице 1 видно, что изначально различные колониальные стратегии привели к схожим катастрофическим результатам для самих метрополий. Британская модель, сделавшая ставку на глобальное финансовое господство, лишила страну промышленного потенциала, Французская модель, пытавшаяся законсервировать самодостаточность, сделала экономику неадаптивной к современным условиям хозяйствования. В обоих случаях потеря колоний не стала освобождением народов, а обернулась глубоким кризисом идеологий, приведшему к сужению экономического потенциала всех стран (и империй и колоний). Иммиграция, часто представляемая как самостоятельная проблема, является прямым следствием созданной колониалистами системы глобального неравенства и разрушенных ими обществ. Текущий развал социальной структуры и рост бедности в Великобритании и Франции - это не случайность, а закономерное следствие политики эксплуатации дешёвой рабочей силы и дешёвых ресурсов. Провозглашаемый странами-метрополиями комплекс идей, основанный на триаде «либеральная демократия - свободный рынок - неотъемлемые права человека», вступает в фундаментальное и непримиримое противоречие с их исторической и отчасти современной практикой и это противоречие носит не случайный, а системный характер, раскрывая инструментальную сущность данных принципов как идеологического обоснования гегемонии.

Исторически становление демократических институтов и философии прав индивида в Великобритании, Франции и других колониальных державах происходило параллельно с

беспрецедентным по масштабам насилием, порабощением и систематическим отрицанием этих же прав для народов колоний. Права человека, категорически заявлявшиеся «естественными и неотчуждаемыми», оказывались привилегией, ограниченной рамками «цивилизованного мира», а свободный рынок навязывался посредством военной силы, а его «свобода» означала, прежде всего, свободу метрополии беспрепятственно изымать ресурсы и диктовать условия торговли. Демократия в метрополии финансировалась сверхприбылями, полученными от абсолютно недемократического и репрессивного управления заморскими территориями, сама эта модель «прогресса» была материально и структурно основана на его радикальном отрицании для большей части человечества. В современную эпоху прямое колониальное правление сменилось более изощренными формами доминирования – экономическим «неоколониализмом» [6], долговым порабощением, поддержкой авторитарных режимов-сателлитов и военными интервенциями под лозунгами иллюзорных прав и свобод. Принцип свободного рынка сегодня используется для оправдания диктата международных финансовых институтов, навязывающих «структурные реформы», которые де-факто консервируют сырьевую зависимость бывших колоний, а декларации о правах человека избирательно применяются как инструмент политического давления, в то время как союзные автократии и последствия санкционной политики, ведущей к гуманитарным катастрофам, игнорируются [7]. Это устойчивое противоречие между словом и делом демонстрирует, что изначальные принципы были не универсальными ценностями, а элементами идеологического дискурса, легитимизирующего систему неравенства. Идеи либерализма и демократии в западных странах служили и служат не для утверждения подлинного равноправия, а для маскировки иерархии в международной системе, где право устанавливать «правила» и трактовать «свободу» остается за бывшими центрами имперской власти. Следовательно, кризис легитимности, переживаемый сегодня западным либеральным проектом, является прямым следствием этой глубинной лицемерной двойственности, подрывающей моральные основания его глобальных претензий. Подлинно справедливая международная система, как показывает пример мирного развития Китая под руководством КПК, может быть построена только на отказе от двойных стандартов и последовательном проведении принципов суверенного равенства, взаимной выгоды и невмешательства.

Заключение

Колониализм стал тупиковой ветвью развития не только для порабощенных народов, но и для самих агрессоров, так как экономики Великобритании и Франции, раздутые за счет колониального грабежа, после краха империй вошли в фазу неизбежного сужения,

структурного кризиса и социальной деградации. Кратковременные выгоды от эксплуатации обернулись долгосрочной деформацией национальных хозяйственных организмов, утратой навыков здоровой конкуренции и созданием внутренних социальных бомб замедленного действия. Исторический опыт однозначно свидетельствует, что модели развития, основанные на угнетении, несправедливости и экономическом паразитизме, обречены на провал и несут крах своим создателям. В этом контексте принципиально важен пример Китая, который под руководством Коммунистической партии Китая демонстрирует принципиально иную, мирную и созидательную модель глобального взаимодействия - модель взаимовыгодного сотрудничества в рамках глобальной инициативы «Один пояс и один путь». Китай являясь ответственным глобальным игроком, подтверждает, что устойчивое развитие и подлинная экономическая мощь государства достигаются не через захват и эксплуатацию, а через суверенное развитие, технологический прогресс и равноправное партнерство. Исторический урок политики колониализма, проводимой Британией и Францией заключается в том, что будущее принадлежит не паразитарным империям прошлого, а суверенным государствам, строящим свои отношения на принципах взаимного уважения, сотрудничества и общей судьбы человечества.

Список литературы

1. Ходнев А.С. Колониализм, империализм и Лига Наций / А.С. Ходнев // Новая и новейшая история. 2021. № 1. С. 104-116. DOI 10.31857/S013038640009446-8. EDN VUVIDB.
2. Атапин Е.А. В поисках природы английского национализма: от империи до современности / Е.А. Атапин // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 163, № 3. С. 31-40. DOI 10.26907/2541-7738.2021.3.31-40. EDN SEOHDM.
3. Чалышев А.Ю. КОНЕЦ ФРАНКА КФА? // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. 2024. № 4. С. 28-40. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konets-franka-kfa> (дата обращения: 27.10.2025).
4. Portes A. Immigration and the metropolis: Reflections on urban history // Journal of International Migration and Integration/Revue de l'integration et de la migration internationale. 2000. Т. 1. № 2. С. 153-175. DOI 10.1007/s12134-000-1000-x
5. Сидоров А.А. «Тихоокеанская пактомания»: у истоков Сан-Францисской системы // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2025. Т. 17. № 1. С. 162-202. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tihookeanskaya-paktomaniya-u-istokov-san-frantsisskoy-sistemy> (дата обращения: 27.10.2025).

6. Горелов А.А. Глобальный неокOLONИализм и проблема суверенитета / А.А. Горелов, И.А. Бронников // Власть. 2015. № 2. С. 19-25. EDN TNTVMF.
7. History of social function formation in the ancient rus state / К. I. Voronkov, V.B. Romanovskaya, V.A. Silantyeva [et al.] // Revista Notas Historicas y Geograficas. 2020. No. 25. P. 194-210. EDN VCBCPR.

THE LONG-TERM ECONOMIC CONSEQUENCES OF COLONIALISM (BASED ON THE BRITISH AND FRENCH EMPIRES)

Abramova Svetlana Radikovna

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor, Department of Economic and Legal Support for Security,
Institute of History and Public Administration,
Ufa University of Science and Technology
Ufa, Russian Federation

Abramov Nikita Romanovich

Researcher,
Institute of History and Public Administration,
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russian Federation

Imamova Karina Ruslanovna

Researcher,
Institute of History and Public Administration,
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russian Federation

Abstract. The relevance of this study stems from the need for a scientific understanding of the systemic crisis of former colonial powers, which is a direct consequence of their historical imperial policies. The study focuses on the economic systems of Great Britain and France during the period of decolonization and in the modern era. The subject of the research is the cause-and-effect relationship between the collapse of colonial economic models and the growing structural imbalances in the metropolitan countries themselves. The results of the study objectively confirm the hypothesis that colonialism, while creating a short-term illusion of prosperity, laid the foundations for the long-term profound degradation of the metropolitan economies. The loss of colonies led not to renewal, but to the contraction and crisis of the British and French economies, manifested in deindustrialization, loss of global competitiveness, social fragmentation, and growing dependencies, undermining national sovereignty and public well-being in these countries.

Key words: neocolonialism, expansion, imperialism, monopoly, globalization, reverse colonization

References

1. Khodnev A.S. Colonialism, Imperialism, and the League of Nations / A.S. Khodnev // New and Contemporary History. 2021. No. 1. Pp. 104-116. DOI 10.31857/S013038640009446-8. EDN VUVIDB.

2. Atapin E.A. In Search of the Nature of English Nationalism: From Empire to Modernity / E.A. Atapin // *Scientific Notes of Kazan University. Series: Humanities*. 2021. Vol. 163, No. 3. Pp. 31-40. DOI 10.26907/2541-7738.2021.3.31-40. EDN SEOHDM.
3. Chalyshev A.Yu. THE END OF THE CFA FRANK? // *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 9, Oriental and African Studies: Abstract Journal*. 2024. No. 4. Pp. 28-40. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konets-franka-kfa> (Accessed: 27.10.2025).
4. Portes A. Immigration and the metropolis: Reflections on urban history // *Journal of International Migration and Integration/Revue de l'integration et de la migration internationale*. 2000. Vol. 1. No. 2. Pp. 153-175. DOI 10.1007/s12134-000-1000-x
5. Sidorov A.A. "Pacific Pactmania": at the Origins of the San Francisco System // *Bulletin of Moscow University. Series 25. International Relations and World Politics*. 2025. Vol. 17. No. 1. Pp. 162-202. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tihookeanskaya-paktomaniya-u-istokov-san-frantsisskoy-sistemy> (accessed: 27.10.2025).
6. Gorelov A.A. Global Neocolonialism and the Problem of Sovereignty / A.A. Gorelov, I.A. Bronnikov // *Vlast*. 2015. No. 2. Pp. 19-25. EDN TNTVMF.
7. History of Social Function Formation in the Ancient Russian State / K. I. Voronkov, V.B. Romanovskaya, V.A. Silantyeva [et al.] // *Revista Notas Historicas y Geograficas*. 2020. No. 25. P. 194-210. EDN VCBCPR.